

ФИГУРА УМОЛЧАНИЯ

Нашему земляку Ивану Федоровичу Панькину - 70

ОБМАНЧИВАЯ ПРОСТОТА сказового жанра всегда привлекала пишущих. Пробавлялись им чуть ли не все большие и малые писатели. Осовременить же старый и вечный жанр удавалось немногим. И все-таки, литературным персонажам типа Левши, Киша, Данилы-мастера, кажется, все же надо сегодня потесниться. «Самопальный» герой «Легенд о мастере Тычке» Ивана ПАНЬКИНА этого заслуживает вполне.

ИЗВЕСТНО, что между автором и его литературным героем всегда есть что-то их сближающее. Наш случай тому подтверждение.

«Когда родился Тычка, про то никто толком не знает. Одни говорят — с первым ударом кузнечного молота о наковальню, другие — позже...» Тогда родился сам автор легендарного Тычки, точная дата тоже неизвестна.

Помнятся ему материнские слова, что случилось это в самую уборку хлебов, но медкомиссия - детприемника определила по-своему. Так или иначе, а автору «Легенд о мастере Тычке» — тульскому писателю Ивану Федоровичу Панькину в нынешнем году исполняется семьдесят лет. От бывшего циркового гимнаста, юнги и «морского волка» не осталось не только следа, но и намека. Не только по палубе, по земле уже ходит он с трудом, с остановками, чтобы дух перевести. Однако в редкий день не появляется на четвертом этаже в местном отделении Союза писателей. Некуда ему идти. Весь он здесь.

В организации у Ивана Федоровича несколько членов СП значатся его учениками. Его помощь в их становлении ими не забыта. Все так, но... Много за этим «но» невысказанного, затаенного, горького. Действительно, признанием, известностью Панькин не избалован. Отнюдь. Книги всегда давались с трудом. Особенно «Тычка». По шажку подбирался к нему, искал, переделывал, отшлифовывал. Каждый абзац, фразу, слово. Его ритмизованная, пересыпанная присказками, пословицами и поговорками проза близка стиху. Недаром на недавнем поэтическом семинаре в Туле поэт Виктор Кочетков советовал молодым поэтам читать прозу Панькина. И на взгляд писателя Виктора Астафьева панькинские легенды и сказы «по своей народности, мастерству... нисколько не уступают сказам Лескова...».

Да, веселый умелец из «Легенд о мастере Тычке» — несомненное открытие писателя. Открытие, не оцененное по достоинству близорукими «ведами» и рецензентами, обслуживающими уже набивший оскомину один и тот же ряд известных писателей. Растерянность тульских собратьев перед феноменом Панькина понятна и объяснима. Другое дело — некий сальеризм литературоведческой братии, замалчивающей почему-то лучшего, может быть, современного писателя-сказочника.

Заслуга Панькина не только в открытии удивительного героя, но и в осовременивании самого сказового жанра. В малой эпической форме он сблизил временные расстояния, соединил устное с письменным, сказовость с описательностью. Но кому известны книги Ивана Панькина? А Шергина, Писахова? То-то и оно, что немногим!

Откуда же ей взяться, известности и популярности? Перестройка здесь оказалась бессильной. И не от избытка такая расточительность. Ведь речь не о вызволении из небытия пресловутого поставщика псевдонародного чтива типа «Легенд о Ленине», а боль о современнике, истинном старателе лесковского толка. Сейчас до тошноты упиваемся зарубежьем, а свои невылазные, невыездные по-прежнему не выявлены, словно никому не нужны. Рынок правит бал!

Крестный путь Панькина, его судьба не исключительны. Не стоит заблуждаться. Им действительно продолжается печальная — в смысле отношения к таланту — эстафета Писахова, Шергина и многих других.

Автор «Тычки» два раза выдвигался на Госпремию. По тщетно! Когданибудь мы опомнимся, даже, возможно, дружно покаемся... Говорят, не принято ныне отмечать юбилеи. Звания, орденов и прочего не полагается. Ладно. Двумя строчками нонпарелью откликнется «ЛР», и на том спасибо! Ему ли одному, родившемуся в двадцатых, так не повезло? Многим! На их молодость выпала огненная Отечественная. До сих пор не забыл солдат, как их, с марша брошенных на передовую, пронзил и смял, вдавил в землю всхлип: чем держаться?

Так оно и случилось. Контузия, ранение, инвалидность на всю оставшуюся жизнь. Не повезло. Но не везло и до этого. Сиротство, беспризорничество, скитания, унижения. Война просто обязана была поставить точку на этой судьбе. Да у нее свои оказались резоны. Выжил. Работал и учился. Стал писателем. К семидесятилетию пришел не с пустыми руками. Тираж книг исчисляется миллионами. Около тридцати раз изданы его легенды и сказы. «Тычка» издан на молдавском и азербайджанском, «Начало одной жизни» — на литовском. «Легенды о матерях» выходили в международном журнале «Миша», они же включены в список для внеклассного чтения школьникам страны.

Известным мастером пряничных досок Н. В. Горчаковым готовятся доски «Тычка и Петр I».

Тульский писатель выдвинут на премию преподобного Сергия Радонежского.

Но... В свое время, по решению Госкомиздата, Приокским издательством готовился выпуск «легенд» размером со спичечный коробок в металлическом переплете. Местный завод «Кислотоупор» намеревался делать пепельницы с фигурой оружейного мастера Тычки. Кто-то всеильный останавливал, пресекал подобные затеи. Главное, вопреки всему, не остыла, не опустела душа. «Свеча на ветру» (продолжение «Начала одной жизни») еще, слава богу, горит, не гаснет. Да и мастер Тычка не отпускает своего создателя.

«Более четверти века, — исповедуется писатель, — я изучаю нравы и быт

тульских мастеров, собираю о них разные истории для моей ненасытной книги легенд о мастере Тычке, начиная с появления в Кузнецкой слободе ружейных улиц, где жили мастера особого склада».

Столице оружейников—Туле—писатель обязан многим, если не всем. Его творчество здесь раскрылось, расцвело в полной мере. Редкий случай: писатель был востребован самой жизнью. И не обманул ожиданий. Его «Легенды о мастере Тычке» — веселый гимн неостывающим рукам современных мастеров. Панькин считает, что советскими толкователями великий Лесков перевран. Его социальная сатира и язвительность не оценены, не объяснены дондсь. Не для «посрамления англичан» была подкована курьезная блошка. Лесков хотел, чтобы его поняли гораздо шире, полнее. Тычка не стал бы подковывать блоху. Нашел бы иной способ доказать свое преимущество, как и случилось в истории с аглицким пистолетом. Иначе и впрямь можно поставить все с ног на голову, согласясь с похвалой одного из лесковских персонажей о том, что непобедим народ, где есть такие подлецы, как Чичиков. Панькинский мастер Тычка каждым своим шагом помимо всего утверждает торжество естественности и разума.

Ныне невозможно и представить, что город оружейников до Панькина не имел своего летописца. Богатейший фольклорный пласт лежал под ногами, был на виду, в самом воздухе. Тула обязана писателю. Но странное дело, даже в Туле неистощимого на выдумки веселого панькинского героя порой путают с лесковским. Выходит, до сих пор «Легенды о мастере Тычке» не прочитаны, как, между прочим, и лесковский сказ. Читали, да не прочитали!

Многое еще нам перечитывать и переосмысливать не только из советской классики. Деидеологизация ударила и по прошлому. А по Панькину?

— По мне тоже, — говорит он с горечью, — несколько ранних книг, считай, пропали. Политизированы. Никогда вроде не подстраивался, не писал в духе времени, а вот — надо же! Ни партийным, ни верующим не был...

Так-то оно так, но знаю, что писатель натерпелся от властей. Был неудобным. Не держал нос по ветру. Не приспособливался, не ловчил, не унизил себя ничем. Пусть тело сдало, но дух остался непоколебим — фронтовик ведь! Молодые несут ему рукописи, знают, что скажет правду. В последнее время главная тема его бесед — язык, отношение к нему. Не устает рассуждать о фольклоре вообще и тульском в частности. Утверждает, что много почерпнул и в питейных заведениях города, недавно еще доступных, где встречал удивительных, будоражащих воображение старожилов, знавших историю Тулы не по хроникам.

...С утра идет проливной дождь. Я гляжу на стену кабинета, где висят фотографии писателей, жизнью и творчеством связанных с Тулой и тульским краем. Знакомые всем лица графа, градоначальника, царедворца, врача, журналиста... Вспоминаю чью-то недавнюю шутку, что на стене места писателю Панькину не осталось. На душе тоскливо и муторно. Но вот распаивается дверь, и знакомая фигура возникает в проеме.

— А я, — улыбается промокший до нитки Иван Федорович, — зонт забыл. Без объяснений он извлекает из сумки какой-то конверт:

— Читай!

Читаю: «Тула, уважаемая почта, прошу разыскать адрес писателя Ивана Паныкина и вручить это письмо с благодарностью за создание знаменитого «Тычки».

Смеется:

— Вот, разыскали, вручили...

Гляжу на него и думаю, что фигура умолчания как литературный прием используется во всех жанрах, но особенно часто в жизни. Правда, тогда он становится нелитературным! От искусства, высокой материи ничего не остается.

И тогда происходит то, что случилось со всеми нами, когда, даже осознав свое унижительное положение, открестясь от него, выйти, вырваться из него не можем, хотя, как сетовал мастер Тычка, «худую славу носить, что синяк под глазом: и больно, и стыдно». Что там синяк под глазом! Синяк во все лицо. Во всю душу. А душа у русского человека известно какая.

Виктор ПАХОМОВ.

(ИЗ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ»).